

Актерское мастерство Дай Вана давно стало притчей во языцех — в его исключительном таланте никто не сомневался. Теперь же, когда к проекту присоединился Се Шуи, эти два титана обеспечили съемочной группе «Тихого шепота» такой стремительный и легкий старт, какого никто не ожидал.

В оригинальном романе насчитывалось больше четырехсот тысяч иероглифов. После того как сценаристы изрядно поработали над текстом — что-то сократив, а что-то добавив, — хронометраж проекта растянулся примерно на сорок серий. Режиссер У Юй изначально закладывал на съемки три месяца, однако не прошло и тридцати дней, а они уже перешагнули экватор.

Все сцены в Небесном царстве отсняли всего за полмесяца. Собрав вещи, киноэкспедиция перебралась на съемочную площадку соседней Кинопровинции Цзиньчэн. Цзиньчэн оказался куда масштабнее их прежней базы, но вместе с тем и публика здесь крутилась разношерстная. Если раньше Дай Ван частенько вытаскивал Се Шуи погулять или поужинать, то теперь он упорно отсиживался в павильонах и носа на улицу не показывал. Более того, он всякий раз останавливал Шуи, стоило тому заикнуться о прогулке. Причина была до смешного проста:

— Ты — наше секретное оружие. Нельзя раскрывать карты раньше времени!

Из-за этого нелепого предлога Се Шуи провел взаперти добрые полмесяца. К счастью, общительностью он никогда не отличался, так что добровольное затворничество его ничуть не тяготило. Единственное, что вызывало у юноши искреннее недоумение, — это странное отношение его агента Ван Лэя к Дай Вану. Насколько Шуи знал, Ван Лэй познакомился с киноактером одновременно с ним, однако теперь его верный помощник беспрекословно подчинялся каждому слову Дай Вана, словно тот был его законным господином. Это решительно не укладывалось у Шуи в голове.

Взять хотя бы вчерашний случай. Стоило Шуи слегка закашляться — дело обычное, при смене сезонов у него неизменно начиналась ежегодная простуда, — как Дай Ван забил тревогу. Сам Шуи к этому относился философски, привыкнув переносить недомогание на ногах, но Дай Ван словно с цепи сорвался. Он непременно желал заставить его принять лекарство и даже грозился вызвать врача, чтобы поставить капельницу. А ведь капельницы и уколы с самого детства были для Шуи худшим кошмаром.

Шуи пытался извернуться и сбежать, но Ван Лэй, этот бессовестный предатель, даже не подумал прийти на помощь. Напротив, он ловил каждое слово Дай Вана: слетал в аптеку быстрее ветра, самолично развел порошок и принес чашку прямо ему под нос. С ехидной ухмылкой на лице этот иуда встал плечом к плечу с киноактером, вынуждая Шуи осушить стакан с подозрительным темным варевом. Шуи тогда мысленно испепелил его взглядом раз сто, не меньше, и весь остаток дня демонстративно с ним не разговаривал. Думаете, Ван Лэй это хоть немного задело? Как бы не так! Он угодливо вился вокруг Дай Вана, то и дело подобострастно называя его «братом Ваном», подавал чай, подносил воду — словом, полностью отобрал хлеб у личного ассистента звезды. Они о чем-то увлеченно шептались, пока Шуи в сторонке исходил бессильной злобой, едва не лопааясь от досады.

Вечером Ван Лэй снова заявился к нему в номер с чашкой той же кошмарной черной жижи и с порога безапелляционно заявил:

— Великий киноактер Дай ждет прямо за дверью. Он сказал, что не уйдет спать, пока самолично не убедится, что стакан пуст. И учти: если папарацци снимут его посреди ночи у дверей номера коллеги-мужчины, пресса такое раздует, что мало не покажется. Я за последствия не отвечаю!

Се Шуи, не выдержав, нервно рассмеялся. За кого они его держат, за трехлетнего ребенка? Угрожать ему лекарствами, да еще и устраивать проверки! Какая к черту проверка!

Схватив стакан, Шуи вознамерился вылить целебное зелье в пышно цветущий на столе вазон. Но стоило ему наклонить чашку, как Ван Лэй вдруг предостерегающе повысил голос:

— Брат Ван предвидел это! Он просил передать: выливай на здоровье. У него в номере припасена целая коробка этого порошка. Если уничтожишь эту порцию, он заварит новую — в два раза крепче. А если и это не поможет, он вызовет врача китайской медицины, чтобы тот прописал тебе парочку курсов настоящих традиционных отваров для укрепления организма!

Ван Лэй улыбался до крайности невинно, но от его слов обычно мягкий и покладистый Се Шуи едва не швырнул стакан вместе с содержимым прямо в эту довольную физиономию.

Травяные отвары! Горькое варево из сушеных корешков, жуков и бог весть каких еще диковинных ингредиентов, один цвет которого повергал в первобытный ужас. Се Шуи еще в детстве поклялся, что ни за какие коврижки не притронется к этой гадости.

«Твоя взяла!» — обреченно подумал он.

Скрежетнув зубами, Шуи смирил чашку с Ганьмаолином взглядом, полным глубочайшего отвращения. Затем, набрав в грудь воздуха, словно перед прыжком в бездну, он единым духом осушил ее до дна.

Приторная горечь вперемешку со специфическим травяным привкусом мгновенно заполнила рот. Шуи едва сдерживал рвотные позывы. Он потянулся к кувшину с чистой водой, чтобы прополоскать горло, но Ван Лэй ловко перехватил его руку и фокусником выудил из кармана две кокосовые конфеты.

Шуи с сомнением посмотрел на сладости, затем медленно развернул фантик и отправил конфету в рот. Сладкий кокосовый вкус мало-помалу вытеснил лекарственную горечь. Ему не нужно было гадать, кто обо всем этом позаботился.

Ван Лэй был неотесанным и грубоватым парнем, прямолинейным натуралом в самом запущенном смысле этого слова. Он столько раз поднимал Шуи на смех из-за его детской

боязни горьких микстур, что юноша всерьез подозревал: его нелюбовь к лечению усугубилась именно из-за издевок агента.

Представить, что Ван Лэй додумался захватить с собой конфеты, чтобы подсластить пилюлю, было чем-то из области фантастики. Сладости в его карманах просто не водились. Стало быть, заботливым отправителем снова был тот человек, что караулил в коридоре.

Но пусть не думает, что две несчастные конфеты заставят Шуи забыть о гнусном шантаже. Кнут и пряник? На этот дешевый трюк он не купится!

Напустив на себя как можно более неприступный вид, он выставил Ван Лэя за дверь. Выглянув в коридор, Шуи действительно увидел прислонившегося к стене Дай Вана. Заметив юношу, тот расплылся в на редкость довольной улыбке.

«Смеется надо мной!» — подумал Шуи.

Он демонстративно вздернул подбородок, отвернулся и с треском захлопнул дверь прямо перед носом опешившего киноактера.

Ван Лэй посмотрел на Дай Вана, который, несмотря на столь холодный прием, продолжал счастливо улыбаться. Смущенно взъерошив свои вечно растрепанные волосы, агент заискивающе произнес:

— Брат Ван, вы не подумайте, Шуи обычно не такой... Я даже не знаю, что на него нашло в последнее время. Разбаловался совсем, капризничает. Наверное, из-за простуды... Ха-ха.

Попытка разрядить обстановку смешком провалилась — неловкость в воздухе стала лишь ощутимее. Ван Лэй смущенно потер кончик носа. К его удивлению, Дай Ван лишь мягко покачал головой, показывая, что ничуть не обижен.

«Наш великий киноактер воистину великодушен!» — мысленно восхитился Ван Лэй и, рассыпаясь в благодарностях, проводил Дай Вана до его комнаты.

Ван Лэй и представить не мог, что Дай Ван не просто не рассердился — он был на седьмом небе от счастья. Сколько сил ушло на то, чтобы Се Шуи перестал робеть в его присутствии, отбросил вежливую маску и начал наконец проявлять свой настоящий, живой характер! Пусть со стороны его радость от чужих капризов и смахивала на легкий мазохизм, для Дай Вана это было главной победой. И теперь прогресс был налицо.

Вернувшись к себе, Дай Ван поддался приятному порыву и налил себе пару бокалов вина перед сном. Ван Лэй, если бы узнал об этом, лишь в недоумении покачал бы головой — чужая душа потемки, а уж богатые и знаменитые и вовсе казались ему инопланетянами.

Тем временем Се Шуи лежал в постели, зажав в ладони оставшуюся кокосовую конфету. Он долго разглядывал яркую обертку в мягком свете ночника, вертел ее так и эдак, пока на губах его сама собой не расцвела глупая, необъяснимая улыбка. Так он и уснул, крепко сжимая в руке крошечный сладкий залог чужой заботы.

Как показала практика, хроническая простуда — штука коварная. Она настигает тебя вопреки любым мерам предосторожности, внезапно и неизбежно.

На следующее утро Се Шуи без лишних церемоний отправили на вынужденный больничный. Болезнь все-таки одержала верх, заставив его окончательно слечь.

Дай Ван стоял у его постели мрачнее тучи. Он молча, не отрываясь, смотрел на осунувшегося юношу, хмурясь так сильно, что между бровей пролегла глубокая, суровая складка.

За все время съемок Дай Ван впервые переступил порог его комнаты. Пусть это был всего лишь безликий гостиничный номер, для него это все равно означало шаг на личную территорию Шуи.

В иной раз подобное событие наполнило бы его ликованием, но сейчас Дай Ван был слишком встревожен, чтобы думать о таких пустяках.

<http://bllate.org/book/20697/2131715>